

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Дафна
Дюморье

ПТИЦЫ
НЕ ПОЗЖЕ
ПОЛУНОЧИ

И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Daphne du Maurier
THE BIRDS AND OTHER STORIES
Copyright © The Estate of Daphne du Maurier, 1952
Short story HAPPY CHRISTMAS
Copyright © The Estate of Daphne du Maurier, 1940
THE BREAKING POINT (also as THE BLUE LENSES)
Copyright © The Estate of Daphne du Maurier, 1959
THE RENDEZVOUS AND OTHER STORIES
Copyright © The Estate of Daphne du Maurier, 1980
DON'T LOOK NOW (also as NOT AFTER MIDNIGHT)
Copyright © The Estate of Daphne du Maurier, 1971
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © Л. Ю. Брилова, перевод, 2016
- © А. М. Бродоцкая, перевод, 2016
- © А. В. Глебовская, перевод, 2016
- © Л. А. Девель, перевод, 2023
- © Н. М. Жутовская, перевод, 2016
- © Ю. А. Клейнер, перевод, 1989
- © И. Б. Комарова, перевод, 2016
- © Г. А. Островская (наследники), перевод, 1989
- © И. Б. Проценко, перевод, 2016
- © Н. Л. Рахманова, перевод, 2016
- © Н. Ф. Роговская, перевод, 2016
- © В. М. Салье (наследник), перевод, 2023
- © А. А. Ставиская (наследник), перевод, 2023
- © А. Д. Степанов, перевод, 2016
- © С. Л. Сухарев (наследник), перевод, 2023
- © Е. Э. Фрадкина, перевод, 1989
- © М. А. Шерешевская (наследник), перевод, 2023
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-20900-8

ПТИЦЫ

ПТИЦЫ

В ночь на третье декабря ветер переменялся и наступила зима. До этого осень стояла на редкость мягкая и теплая: на деревьях все еще держались листья, а живые изгороди так и не пожелтели. Земля там, где ее взрыхлил плуг, была черная и жирная.

Нат Хокен как инвалид войны получал пенсию и работал с неполной нагрузкой. Он приходил на ферму три раза в неделю, и ему давали работу полегче — поставить изгородь, подлатать крышу, подремонттировать хозяйственные постройки.

Хотя он был человек семейный, по складу своему он был скорее нелюдим и предпочитал работать в одиночку. Он бывал доволен, если ему поручали укрепить земляную насыпь или починить калитку в дальнем конце мыса, где море с двух сторон омывало территорию фермы. В полдень он обычно прерывал работу, съедал пирог, который жена давала ему с собой, и сидел какое-то время на краю обрывистого берега, наблюдая за птицами. Осень для этого самая благодарная пора, лучше весны. Весной птицы улетали на материк, организованно и целеустремленно; они знали, куда летят, ритм и весь ритуал их жизни не допускал промедлений. Осенью птиц, остававшихся зимовать, обуревала та же безудержная жажда перемещения в пространстве, но поскольку улетать им было не нужно, они утоляли эту жажду по-своему. Огромными стаями они скапливались на полуострове, непоседливые и беспокойные, и растрачивали себя в движении: то кружили и носились по небу, то садились покормиться на жирной свежевспаханной земле, но клевали как-то неохотно, будто не испытывали голода. И тут же беспокойство снова гнало их ввысь.

Черные и белые, галки и чайки, объединившись в этом странном товариществе, словно искали какого-то освобождения — и не находили его, не могли успокоиться. Стаи скворцов с шелковистым шелестом перелетали с места на место, подгоняемые все той же

жаждой движения, а птицы помельче, зяблики и жаворонки, как заведенные перепархивали с деревьев на изгороди и обратно.

Нат внимательно наблюдал и за ними, и за морскими птицами. Внизу, в заливе, они ждали, когда спадет вода. У этих птиц было больше терпения. Кулики-сороки, песчаники, травники, кроншнепы подолгу сидели у самой кромки воды, но как только ленивое море отступало, насытив влагой берег и обнажив полосу морской травы и переворошенной гальки, они начинали суетиться и бегать по песку. Потом та же жажда полета толкала их в небо. С шумом, гомоном, свистом, почти задевая крыльями морскую гладь, они покидали берег. Быстрее, еще быстрее, вперед, вперед — но куда? зачем? Не дающий покоя зов осени, тревожный и печальный, заколдовывал их, заставлял собираться в стаи, кружить и кричать; возможно, у них была потребность растратить весь свой запас энергии до того, как наступит зима.

Сидя у края обрыва и дожевывая пирог, Нат думал о том, что осенью птицы наверняка получают некий знак, предупреждение. Надвигается зима. Многим из них не суждено ее пережить. И они ведут себя совсем как люди, которые в предчувствии близкой смерти с головой уходят в работу или пускаются в разгул.

В эту осень птицы сильнее обычного проявляли свое беспокойство; их возбуждение было особенно заметно, потому что дни стояли тихие. Когда на западных склонах работал трактор, по временам он полностью скрывался из виду, вместе с силуэтом фермера за рулем, в туче орущих, кружащихся птиц. Их было непривычно много — Нат не мог этого не заметить. Осенью птицы всегда летали за плугом, но не такими огромными стаями, не с таким гамом.

Нат поделился своими мыслями с фермером, мистером Тригом, когда управлялся с изгородью.

— Да, птиц нынче многовато, я и сам вижу, — отозвался фермер, — совсем обнаглели, даже трактора не боятся. Сегодня пара чаек пролетела у меня прямо над головой, чуть шапку не сбили! Я вообще пахал почти вслепую — над головой чайки, в глаза солнце бьет. Должно быть, к перемене погоды. Зима предстоит суровая. Вот птицы и сходят с ума.

Шагая домой через поле, а потом вдоль дороги, обсаженной деревьями, Нат видел птичьих стаи в догорающих лучах солнца над западными холмами. Ветра не было; свинцовое море с высокой водой казалось неподвижным. В живых изгородях еще цвел лихонос, воздух был теплый. Но фермер оказался прав: в ночь погода переменялась.

Спальня в доме у Ната выходила окнами на восток. Он проснулся в третьем часу и услышал, как в дымоходе завывает ветер. Это не был порывистый юго-западный ветер, предвестник дождя; ветер был восточный, сухой и холодный. Он глухо гудел в трубе, и на кровле брякала отставшая шиферная плитка. Нат прислушался, и до него донесся рев волн, бушевавших в заливе. В маленькой спальне стало холодно — на кровать дуло из-под двери. Нат плотнее завернулся в одеяло и покрепче прижался к спящей жене, но не заснул, а лежал, напрягая слух, полный беспричинных тревожных предчувствий.

Вдруг раздался негромкий стук в окно. Было похоже, что по стеклу стучит обломок какого-то засохшего вьющегося растения, но на стенах у них ничего не росло. Он прислушался — стук продолжался. Раздосадованный, он вылез из постели и подошел к окну. Когда он поднял раму, что-то мазнуло его по пальцам, ткнулось в руку, оцарапав кожу. Мелькнули крылья и тут же исчезли, рванувшись через крышу за дом.

Это была птица — какая, он не разобрал. Должно быть, ветер загнал ее сюда, на подоконник.

Он закрыл окно и снова лег, но почувствовал на пальцах что-то мокрое и, поднеся руку к губам, понял, что это кровь. Птица поранила его в темноте; наверно, сбилась с пути, перепугалась. Он улегся поудобнее, пытаясь уснуть.

Вскоре снова раздался стук, на этот раз более энергичный, более настойчивый, и, потревоженная им, проснулась жена.

— Нат, посмотри, что там такое. Окно дребезжит.

— Я уже смотрел. Там птица, просится в дом. Слышишь, какой ветер? Восточный ветер гонит птиц — вот они и ищут, где бы спрятаться.

— Прогони их прочь. Я не могу спать при таком шуме.

Он второй раз подошел к окну, открыл его и увидел на подоконнике птиц — не одну, а добрых полдюжины; все разом ринулись на него, норовя клюнуть в лицо.

Он вскрикнул и стал отбиваться от них руками. Как и первая птица, они взмыли над крышей и исчезли. Он быстро опустил оконную раму и защелкнул задвижку.

— Смотри, что творится, — сказал он. — Они на меня набросились! Едва глаза не выклевали!

Он стоял у окна и вглядывался в темноту, но ничего не видел. Жена, еще не совсем проснувшись, пробормотала что-то недоверчивое.

— Я не выдумываю, — возразил он сердито. — Говорю тебе — птицы сидели на подоконнике, просились в дом.

Неожиданно из комнаты в конце коридора, где спали их двое детей, донесся испуганный крик.

— Это Джил, — сказала жена. От крика дочка она окончательно проснулась и села в постели. — Пойди к ним, узнай, что там.

Нат зажег свечу, но когда он открыл дверь в коридор, сквозняк задул ее.

Снова раздался крик ужаса — на этот раз дети кричали оба, и, вбежав в комнату, Нат услышал в темноте хлопанье крыльев. Окно было раскрыто. Через него влетали птицы, ударялись с налету о потолок и стены и поворачивали к детским кроваткам.

— Не бойтесь, я здесь! — крикнул Нат, и дети с плачем кинулись к отцу, а птицы в темноте взлетали к потолку и тут же пикировали вниз.

— Что там, Нат? Что случилось? — услышал он голос жены из спальни. Он поскорее вытолкнул детей в коридор и захлопнул дверь, оставшись с птицами один на один.

Он сорвал одеяло с ближайшей кровати и начал размахивать им над головой. Он слышал хлопанье крыльев, шмяканье птичьих тел, но птицы не отступали, они нападали снова и снова, целились в руки, в лицо, их разящие клювы кололи, как острые вилки. Одеяло теперь превратилось в орудие защиты. Он обмотал им голову и, не видя уже ничего, молотил по птицам голыми руками. Подобраться к двери и открыть ее он не решался из страха, что птицы полетят следом.

Он не знал, сколько времени он бился с ними в темноте, но в конце концов почувствовал, как хлопанье крыльев мало-помалу стихает; постепенно оно прекратилось совсем, и сквозь одеяло он увидел, что в комнате стало светлей. Он ждал, слушал — нигде ни звука, только кто-то из детей хныкал в спальне. Свист и шелест крыльев смолкли.

Он стянул с головы одеяло и огляделся. В комнату просачивался холодный, серый утренний свет. Живые птицы улетели через открытое окно, мертвые лежали на полу. Нат глядел на них со стыдом и ужасом: всё мелюзга, ни одной крупной птицы, и погибло их не меньше полусотни. Малиновки, зяблики, воробьи, синички, жаворонки, юрки — эти птахи по законам природы всегда держались каждая своей стаи, своих привычных мест, и вот теперь, объединившись в ратном пылу, они нашли свою смерть — разбились о стены или погибли от его руки. Многие во время битвы потеряли перья, у многих клювы были в крови — в его крови.

Чувствуя подступающую дурноту, Нат подошел к окну и поглядел на поля, начинавшие сразу за их огородом.

Было очень холодно, и земля почернела и затвердела. Это был не белый мороз, не иней, который так весело сверкает в утренних лучах, а мороз бесснежный, черный, каким сковывает землю восточный ветер. Море, еще сильнее разбушевавшееся с началом прилива, все в гребнях белой пены, яростно билось о берег. Птиц видно не было. Ни один воробьишка не чирикал в садовой изгороди; даже самые ранние птахи, рыжие и черные дрозды, не рылись в земле в поисках червей. Не было слышно ни звука, кроме шума ветра и моря.

Нат закрыл окно и, затворив за собой дверь детской, пошел к жене. Она сидела на кровати, возле нее спала старшая девочка, а младшего, с забинтованным лицом, она держала на руках. Шторы на окнах были плотно задернуты, горели свечи. Лицо жены в желтом свете поразило его своей бледностью. Она сделала ему знак молчать.

— Уснул, — прошептала она, — еле я его угомонила. Он чем-то поранился, под глазом ссадина. Джил говорит — это птицы. Говорит, проснулась, а в комнате полно птиц.

Жена смотрела на него, ища в его лице подтверждения. Вид у нее был испуганный и растерянный, и ему не хотелось показывать ей, что он тоже потрясен, сбит с толку событиями последних часов.

— Там, в детской, птицы, — сказал он, — мертвые, с полсотни или больше. Малиновки, крапивники, разные мелкие местные птички. Они все будто с ума посходили от этого ветра. — Он опустился на кровать рядом с женой и взял ее за руку. — Дело в погоде. Все, наверно, из-за этой ужасной погоды. Может, и птицы не здешние. Их сюда пригнало откуда-то.

— Погода-то переменялась только ночью, — прошептала жена. — Снега еще нет, что их могло пригнать? И голодать они пока не голодают. В полях хватает корма.

— Да нет, это погода, — повторил Нат. — Поверь мне, все дело в погоде.

Лица у обоих были утомленные и осунувшиеся. Какое-то время они молча глядели друг на друга.

— Пойду вниз, приготовлю чай, — сказал он.

Вид кухни его успокоил. Чашки с блюдцами, аккуратно расставленные на буфетных полках, стол, стулья, вязанье жены в ее плетеном кресле, детские игрушки в угловом шкафчике.

Он опустился на колени, выгреб прогоревшие угли и заново разжег плиту. Зрелище дружно занявшихся щепок, закипающий на огне чайник и другой, коричневый, для заварки, укрепили ощущение уюта и надежности. Он напился чаю сам и отнес чашку жене. Потом умылся в закутке за кухней и, натянув сапоги, отворил наружную дверь.

Небо было тяжелое, свинцово-серое, а бурые холмы, еще день назад блестевшие на солнце, теперь казались почти черными и мертвыми. Восточный ветер оголил деревья, как бритвой, и каждый его порыв вздымал в воздух опавшую листву, сухую и ломкую. Нат потопал по земле сапогом — земля была скована холодом. Он еще не видывал такой резкой, внезапной перемены. Черная, бесснежная зима сошла на землю в одну ночь.

Наверху проснулись дети. Джил что-то говорила без умолку, а маленький Джонни снова плакал. Нат слышал, как жена их утешает, уговаривает. Вскоре все спустились вниз. У него был готов для них завтрак, день входил в привычную колею.

— Папа, ты прогнал птиц? — спросила Джил. Она совсем успокоилась, увидав огонь в очаге, дневной свет за окном и завтрак на столе.

— Да, да, они все улетели, — ответил Нат. — Их напугал восточный ветер. Они растерялись, сбились с пути, искали, где бы укрыться.

— Они на нас набросились, — сказала Джил, — хотели Джонни глаза выклевать.

— Это они со страху, — сказал Нат. — В комнате темно было, птицы не соображали, что к чему.

— Хорошо бы они больше не прилетали, — сказала Джил. — А то давай накрошим им хлеба на подоконник, может, они склюют его и улетят.

Она кончила завтракать и пошла за курткой и школьной сумкой. Нат молчал, но жена поглядела на него со значением. Они поняли друг друга без слов.

— Пойду провожу ее до автобуса, — сказал он. — Сегодня на ферму мне не надо.

И пока Джил собиралась, он добавил:

— Держи все окна закрытыми, и двери тоже на всякий случай. Я загляну на ферму. Разузнаю, не слышали ли они там чего ночью.

Он пошел с дочерью к проезжей дороге. Девочка, очевидно, успела забыть о ночном происшествии и бежала вприпрыжку впереди, наперегонки с сухими листьями; ее личико под капюшоном раскраснелось от ветра.

— Пап, а снег скоро пойдет? — спросила она. — Уже ведь холодно!

Он взглянул на бесцветное небо, чувствуя спиной пронизывающий ветер.

— Нет, снега пока не предвидится. Это бесснежная зима, черная.

Пока они шли, он все время искал глазами птиц в живых изгородях, оглядывал поля, высматривал их в лесочке над фермой, где обычно собирались грачи и галки. Птиц нигде не было.

Жившие поблизости дети уже толпились на автобусной остановке, все закутанные, в капюшонах, как Джил, с бескровными, озябшими лицами.

Джил побежала к ним, выкрикивая на бегу:

— А мой папа говорит — снега не будет! Будет черная зима!

О птицах она ни словом не обмолвилась и тотчас же затеяла возню с другой девочкой — обе принялись толкаться и бороться. Наконец показался автобус; он поднимался в гору, пыхтя и покачиваясь. Нат подождал, пока дочка сядет, потом повернул обратно и пошел по дороге к ферме. У него был свободный день, но он заранее решил сходить проверить, всё ли там в порядке.

Джим, работник, смотревший за коровами, громыхал чем-то во дворе.

— Хозяин дома? — спросил Нат.

— На рынок уехал. Сегодня вторник, забыл?

Грохоча сапогами, Джим ушел за сарай. Некогда тут стоять да разговоры разговаривать. Умничает он больно, этот Нат. Всё книжки, говорят, читает.

Нат и в самом деле забыл, что сегодня вторник. Да, ночные события порядком выбили его из колеи. Он подошел к заднему крыльцу и услышал, как миссис Триг напевает на кухне под музыку из радиоприемника.

— Это я, хозяйюшка! — окликнул он ее.

Миссис Триг появилась в дверях — дородная, добродушная, улыбчивая.

— Здравствуйте, мистер Хокен. Может, вы мне растолкуете, откуда этот холод? Из России, что ли? Не припомню ничего похожего — чтобы вот так вдруг, ни с того ни с сего, могли ударить холода. И дальше будет холодать, по радио сказали. Что-то происходит за Полярным кругом.

— Мы сегодня еще не включали радио, — сказал Нат. — Ночь была беспокойная.

— Что-нибудь с ребятишками?

— Нет, нет. — Он не знал, как ей объяснить. Сейчас, при свете дня, рассказ о ночном сражении с птицами, разумеется, прозвучал бы дико.

Он попытался изложить все по порядку, но по глазам миссис Триг понял, что она не принимает его историю всерьез, считает ее попросту плодом дурного сна.

— Вы уверены, что птицы были настоящие, всамделишные? — спросила она, улыбаясь. — С перьями, со всем, что положено? Не такие, какие могут привидеться кой-кому в субботний вечер, когда питейные заведения уже закрылись?

— Миссис Триг, — сказал Нат, — у нас в детской на полу полсотни мертвых птиц. Самые разные — малиновки, крапивники, кого там только нет. Они и на меня напали, и Джонни чуть глаза не выклевали.

Миссис Триг посмотрела на него с сомнением.

— Ну что ж, — проговорила она, — всякое может случиться при такой-то погоде. А уж если они в дом залетели, то, наверно, совсем сбились с толку. Может, они откуда-нибудь издалека, из-за этого самого Полярного круга?

— Нет, птицы местные, самые обычные.

— Странное дело, — сказала миссис Триг, — просто не знаю, что и думать. Вам надо все это описать и послать в «Гардиан». Они уж найдут что ответить. Ну, мне пора, дела ждут.

Она кивнула ему, улыбнулась и ушла обратно в кухню.

Нат, не удовлетворенный разговором, пошagal прочь. Если бы не мертвые птицы на полу — их еще надо собрать и закопать где-нибудь, — он и сам бы принял всю историю за выдумку.

У калитки стоял Джим.

— Птицы часом не докучали? — спросил Нат.

— Птицы? Какие птицы?

— На нас прошлой ночью птицы напали. Целая стая. Залетели в спальню к детям. Странные птицы, прямо кровожадные какие-то.

— Вот как? — До Джима все доходило невероятно медленно. — Никогда не слыхал, чтоб птицы были кровожадные, — отозвался он наконец. — Ручные — это да, это бывает. Прямо на окна прилетают за крошками.

— Те птицы были далеко не ручные.

— Вот как? Может, замерзли? Или голодные были? Вы им крошек насыпьте.

Джим отнесся ко всей этой истории так же безучастно, как миссис Триг. С воздушными налетами во время войны дело обстояло

похоже, подумал Нат. Здесь, в этой части Англии, никто и не подозревал, сколько пришлось переживать и испытать жителям того же Плимута¹. Чтобы тебя что-то затронуло по-настоящему, нужно самому это пережить.

Он направился к дому — прошел между деревьями, перебрался через перелаз. На кухне он застал жену и Джонни.

— Ну что, видел кого-нибудь? — спросила жена.

— Говорил с миссис Триг и с Джимом. По-моему, они мне не поверили. Но у них все спокойно.

— Ты бы унес этих птиц, — сказала жена. — Я хотела постели застелить, но я туда войти не могу. Страшно.

— Теперь-то чего бояться. Они мертвые.

Нат поднялся наверх с мешком и покидал в него, один за другим, все птички трупки. Их оказалось ровно пятьдесят. Самые обычные пташки, сплошная мелочь, даже ни одного дрозда. Только страх мог вызвать такую агрессивность. Синички, крапивники — неужели это их крохотные клювы вонзались ночью с небывалой яростью ему в лицо и в руки? Трудно поверить. Он отнес мешок в сад, и тут встала новая проблема — земля так затвердела от холода, что лопата с ней бы не справилась. Землю намертво сковало стужей, но снега при этом не было; да и вообще за последние часы ничего не произошло — разве что задул восточный ветер. Все это странно, необъяснимо. Те, кто составляет прогнозы погоды, должно быть, правы — похолодание каким-то образом связано с Полярным кругом.

Ветер пронизывал его до костей, пока он стоял в нерешительности с мешком в руках. Внизу, в заливе, бушевали волны — были хорошо различимы их пенистые гребни. Он решил отнести птиц на берег и закопать там.

Когда он добрался до мыса, ветер задул так свирепо, что Нат еле устоял на ногах. Ему было больно дышать, голые руки заочечнели. Он в жизни не испытывал такого холода, не помнил такой стужи — даже в самые суровые зимы. Был отлив. Хрустя галькой, он прошел туда, где песок был порыхлее, повернулся спиной к ветру и стал копать каблуками яму. Но едва он раскрыл мешок, налетевший вихрь подхватил мертвых птиц, поднял их в воздух, понес вдоль пляжа и в считанные секунды разметал и развеял, как перыш-

¹ *Плимут* — порт на берегу пролива Ла-Манш; во время Второй мировой войны подвергался особенно ожесточенным налетам немецкой авиации. — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

ки. В этом зрелище было что-то отталкивающее. Ему стало не по себе. Ничего, начнется прилив — вода их смоем.

Он перевел взгляд на море, всматриваясь в белопенные зеленые буруны. Они вздымались отвесной стеной, закручивались и снова разбивались; грохот волн, ослабленный расстоянием, казался не таким оглушительным, как во время прилива.

И тут он увидел их. Чайки! Они качались на волнах вдали от берега.

То, что он поначалу принял за буруны, были белые чайки. Сотни, тысячи, десятки тысяч... Они поднимались и падали вместе с волнами, держа головы по ветру, будто мощная боевая флотилия, бросившая якорь в ожидании прилива. Чайки заполняли все видимое пространство. Они двигались развернутым строем, бесконечными, тесно сомкнутыми рядами, колонна за колонной. Будь на море штиль, они покрыли бы белым облаком весь залив, голова к голове, бок к боку. И только восточный ветер, нагонявший высокие волны, по временам скрывал их от глаз.

Нат повернулся, пошел прочь от берега и по крутой тропке стал подниматься к дому. Надо срочно кому-то сообщить, кого-то предупредить. Погода тому виной или восточный ветер, только творится что-то непонятное. Пойти к телефонной будке у автобусной остановки, позвонить в полицию? Но что они могут сделать? Что вообще можно сделать? Ну, он скажет, что в заливе собрались сотни, тысячи чаек, потому что их пригнал туда шторм или голод. В полиции решат, что он пьяный или сумасшедший, или, что еще хуже, выслушают с полным равнодушием: «Спасибо. Нас уже оповестили. Действительно, из-за неблагоприятных погодных условий в окрестностях скопилось большое количество птиц». Нат огляделся по сторонам. Других птиц пока видно не было. Может, все они летят из центра страны, всех гонит холод?

Жена встретила его у порога:

— Нат, объявили по радио! Только что передавали специальный выпуск новостей. Я записала.

— Что объявили по радио?

— Насчет птиц. Они не только у нас, они повсюду. В Лондоне, по всей стране. На птиц что-то нашло.

Они вместе прошли на кухню. Он прочел то, что жена записала на листке бумаги.

«Сообщение Министерства внутренних дел от 11 часов утра. С начала дня ежедневно поступают сведения о том, что в городах, деревнях и отдаленных районах страны огромными стаями собира-

ются птицы. Они создают помехи движению транспорта, причиняют ущерб домам и даже нападают на людей. Предполагается, что арктические воздушные потоки, в зоне которых в настоящее время находятся Британские острова, заставляют птиц массами перемещаться на юг; сильный голод, по всей видимости, вынуждает их атаковать людей. Предупреждаем домовладельцев: плотно закройте окна и двери, проверьте дымоходы и примите все необходимые меры, чтобы обеспечить безопасность ваших детей. Ждите дальнейших сообщений».

Ната вдруг охватило непонятное возбуждение. Он торжественно взглянул на жену:

— Ну вот, что я тебе говорил? Надеюсь, на ферме тоже слушают радио. Миссис Триг теперь убедится, что я ничего не сочинил. Все так и есть. Они повсюду. Недаром я с утра себе твержу: что-то тут неладно. Я сейчас с берега видел в море чаек — там тысячи, десятки тысяч чаек, вплотную друг к другу, булавку между ними не просунуть, — качаются себе на волнах, будто чего-то ждут.

— Чего ждут, Нат? — спросила жена.

Он пристально посмотрел на нее, потом снова на листок бумаги.

— Не знаю, — выговорил он наконец. — Здесь сказано про сильный голод...

Он подошел к ящику, где хранил молоток и инструменты.

— Что ты надумал, Нат?

— Хочу забить окна, перекрыть дымоходы, как велят.

— Думаешь, птицы смогут пробраться в дом, если окна просто закрыть? Воробьи, малиновки и прочая мелочь? Каким образом?

Он не ответил. Воробьи, малиновки — это пустяки. А вот чайки...

Он поднялся наверх и работал не покладая рук всю первую половину дня — забил досками окна в спальнях, заделал основание дымоходов. Хорошо еще, что у него выходной и что он не занят на ферме. Работа с молотком и гвоздями напомнила ему давние времена, самое начало войны. Он тогда еще не был женат, жил у матери в Плимуте, и когда ввели затемнение, сколотил для всех окон ставни. И бомбоубежище соорудил. Правда, пользы от него оказалось немного, когда начались налеты. Интересно, примут ли фермер с женой хотя бы такие простые меры предосторожности? Вряд ли, не похоже на них. Беззаботные они люди. Могут просто посмеяться, и все. Уедут на танцы или отправятся к соседям в карты играть.

— Обед готов! — крикнула из кухни жена.

— Слышу, сейчас спущусь!

Он был доволен своей работой — щиты отлично легли на окна, распорки прочно встали в основание дымоходов.

После обеда, когда жена мыла посуду, Нат включил радио — в час дня передавали известия. Сперва повторили утреннее сообщение — то, которое записала жена, — но в сводке новостей появились дополнительные подробности. «Стаи птиц нарушили привычный распорядок во всех районах страны, — объявил диктор. — В Лондоне в десять часов утра птицы закрыли небо так плотно, что могло показаться, будто над городом нависла гигантская черная туча. Птицы рассаживались на шпилях, на оконных карнизах, на дымоходах. Преобладающие породы — дрозд черный, дрозд обыкновенный, домовый воробей; кроме того, что естественно для столицы, в большом количестве представлены голуби и скворцы и, разумеется, за всегдатой лондонской Темзы — чайка черноголовая. Зрелище было столь поразительное, что на многих магистралях остановилось уличное движение, лавки и конторы опустели, а тротуары и мостовые были запружены толпами любопытствующих».

За этим последовало описание имевших место инцидентов; еще раз было сказано, что наиболее вероятная причина этого явления — голод и стужа; напоследок диктор повторил предупреждение владельцам домов. Голос у него был спокойный, слегка надменный. У Ната сложилось впечатление, что диктор воспринимает происходящее не всерьез, словно речь идет о не в меру затянувшемся розыгрыше. И он такой не один, их много, сотни, и они понятия не имеют, каково это — биться в крошечной тьме с тучей птиц. В Лондоне наверняка устроят народное гулянье, наподобие тех, что бываюют по вечерам после выборов. Люди будут толпиться на улицах, шуметь, хохотать, напиваться... «Птиц-то сколько! Пошли поглядим!»

Он выключил радио и принялся за окна на кухне. Жена молча следила за ним; маленький Джонни не отходил от матери.

— Нат, а здесь-то доски зачем? — спросила она. — Теперь придется зажигать свечи чуть ли не в два часа дня. И вообще я не понимаю, какой толк в этих досках.

— Лучше перестраховаться, чем потом локти кусать, — ответил Нат. — Не хочу рисковать.

— Куда смотрят власти? — сказала жена. — Давно пора вызвать войска и начать отстреливать птиц. Живо бы их распугали.

— Ну, допустим. И как именно, по-твоему, надо действовать?

— Посылают же военных в доки, когда докеры бастуют. Бросают солдат на разгрузку судов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПТИЦЫ

Птицы. Перевод А. Ставиской	7
Монте-Верита. Перевод И. Комаровой	41
Яблоня. Перевод И. Комаровой	103
Маленький фотограф. Перевод В. Салье	146
Поцелуй меня еще раз, незнакомец. Перевод Н. Тихонова	189
Отец. Перевод И. Комаровой	212
Счастливого Рождества. Перевод А. Глебовской	222

СИНИЕ ЛИНЗЫ

Алиби. Перевод Е. Фрадкиной	233
Синие линзы. Перевод Г. Островской	270
Ганимед. Перевод Н. Тихонова	304
Пруд. Перевод И. Проценко	342
Эрцгерцогиня. Перевод Н. Rogovской	370
Опасный Мужчина. Перевод Ю. Клейнера	411
Трофей. Перевод Н. Rogovской	446
Красавцы. Перевод Н. Rogovской	476

РАНДЕВУ

Без видимых причин. Перевод Н. Рахмановой	495
Паника. Перевод С. Сухарева	532
Прирожденный артист. Перевод А. Бродоцкой	541
Adieu Sagesse. Перевод А. Степанова	549
Сказка. Перевод Н. Жутовской	567
Рандеву. Перевод И. Комаровой	576
Пресвятая Дева. Перевод Н. Жутовской	605
Прима. Перевод Н. Rogovской	613

СОДЕРЖАНИЕ

Эскорт. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	626
Любовник. <i>Перевод Н. Жутовской</i>	642
За закрытой дверью. <i>Перевод А. Степанова</i>	652
Оплошность. <i>Перевод И. Комаровой</i>	662
Ангелы и архангелы. <i>Перевод А. Степанова</i>	672
Доля секунды. <i>Перевод И. Комаровой</i>	682

НЕ ПОЗЖЕ ПОЛУНОЧИ

Не оглядывайся. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	735
Не позже полуночи. <i>Перевод Л. Девель</i>	782
На грани. <i>Перевод М. Шерешевской</i>	823
Крестный путь. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	885
Прорыв. <i>Перевод А. Степанова</i>	947

Дюморье Д.

Д 96 «Птицы», «Не позже полуночи» и другие истории : рассказы / Дафна Дюморье ; пер. с англ. Л. Бриловой, А. Бродоцкой, А. Глебовской и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 992 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-20900-8

Имя английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989) знакомо читателям во всем мире, ее книги стали классикой литературы XX века и переведены на многие языки. Мастер интриги и тонкий психолог, Дафна Дюморье, как никто другой, умеет держать читателя в напряжении, недаром ее творчество неизменно вдохновляло известных кинорежиссеров, включая знаменитого Альфреда Хичкока, снявшего по ее произведениям успешные кинофильмы: «Ребекка», «Птицы» и «Трактир „Ямай-ка“». За долгую творческую жизнь Дафна Дюморье выпустила полтора десятка романов, пьесы, романизированные биографии и книгу о Корнуолле, а также несколько авторских сборников малой прозы: «Птицы» (в настоящем издании в эту подборку включен также рассказ «Счастливого Рождества», долгое время остававшийся неизвестным русскому читателю), «Синие линзы», «Рандеву» и «Не позже полуночи». Минишедевры Дафны Дюморье, отражая многогранный талант автора, ошеломляют исключительным разнообразием тем, сюжетов и настроений, но остаются в равной мере оригинальными и увлекательными, как и все, что выходило из-под пера Дюморье.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
ПТИЦЫ
НЕ ПОЗЖЕ ПОЛУНОЧИ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Татьяна Бородулина, Анна Быстрова, Лариса Ершова

Подписано в печать 19.01.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 60,76.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-ILN-29815-01-R